

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Новости русской и иностранной литературы

Опубликовано:
Христианское чтение. 1901. № 8. С. 299-304.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

А. И. Покровский, Библейское учение о первобытной религии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра 1901.

Это сочинение представляет собою „опытъ библейско-апологетическаго изслѣдованія“. Значить авторъ имѣеть своею цѣлю защитить библейское учение о первобытной религии и оградить его отъ возраженій и перетолкованій. Разборомъ и устраненіемъ послѣднихъ въ такихъ случаяхъ не рѣдко разрѣшались подобныя задачи въ чисто-полемиическихъ сочиненіяхъ. При всей своей ближайшей пользѣ и непосредственной цѣнности—труды этого рода не обладаютъ всею научною важностію. Въ нихъ подлинный предметъ собственно не раскрывался по своему содержанию, поелику истина далеко еще не разъясняется тѣмъ, что изобличена ложь и обнаружено заблужденіе. При этомъ и самое критическое усердіе бывало иногда бесплоднымъ. Критическія гипотезы чаще заимствуютъ свои основанія и получаютъ оправданіе и смыслъ въ извѣстныхъ предпосылкахъ, почерпаемыхъ въ принципиальныхъ воззрѣніяхъ школъ и направленій, а безъ этого во многомъ бываютъ непонятны и даже непостижимы по самымъ характернымъ своимъ особенностямъ. Но у насъ именно и нѣтъ этихъ условливающихъ предвареній, почему анализируемая доктрина, лишённая своей почвы, заранѣе пріобрѣтаютъ странное освѣщеніе и противники говорятъ между собою разными языками, а читатели созерцаютъ этотъ турниръ больше съ недоумѣніемъ, чѣмъ съ разумѣніемъ. Въ истинно-научныхъ интересахъ библейскаго познанія полемика дорога лишь постольку, поскольку способствуетъ нашему постиженію спорнаго вопроса хотя бы отрицательнымъ путемъ—чрезъ очищеніе вредныхъ наслоеній.

По всему этому ясно, что сначала необходимо представить самый предметъ въ его подлинныхъ библейскихъ очер-

таніяхъ, чтобы этимъ объективнымъ констатированіемъ опредѣлить, что подлежитъ разсмотрѣнію, что нуждается въ оправданіи и что допускаетъ рациональное восполненіе. Этимъ способомъ достигается и то, что тутъ сами собою отпадаютъ многія критическія крайности за ихъ непригодностью и несоотвѣтствіемъ библейской дѣйствительности.

Этотъ именно методъ и избралъ г. Покровский въ своемъ обширномъ сочиненіи (VIII+457 стран.), гдѣ на первомъ планѣ всюду является библейское ученіе, которое и ограждается въ своей несомнѣнности отъ всякихъ покушеній и извращеній. Отсюда въ книгѣ два теченія — библейско-богословскаго изысканія и апологетическаго отраженія. Эти теченія идутъ совмѣстно и переплетаются между собою по всѣмъ рубрикамъ изслѣдованія. По этой причинѣ каждая частность обрисовывается рельефнѣе по причинѣ самаго сближенія свѣта и тѣней. Въ этомъ достоинство принятой манеры, но для цѣльности представленія было бы, пожалуй, лучше, если бы эти элементы были разграничены, и положительное изображеніе не дробилось и не прерывалось измѣнными полемическими вторженіями. Тогда первобытная религія по библейскимъ даннымъ раскрывалась бы предъ нами во всей совокупности, а не въ разрозненныхъ деталяхъ. Эта методическая выдержанность предохранила бы автора и отъ нѣкоторыхъ фактическихъ неудобствъ, иногда замѣчаемыхъ въ работѣ. Смѣшеніе положительнаго съ полемическимъ вводитъ г. Покровскаго въ соблазнъ собственной гипотетичности въ замѣну тенденціозно-критическихъ мечтаній. Отъ этого библейскій предметъ необходимо пріобрѣтаетъ нѣсколько субъективную окраску, между тѣмъ онъ долженъ излагаться во всей своей неприкосновенности, хотя бы это показывало его незаконченность. Безъ этого у насъ не будетъ объекта рѣчи, а независимое основаніе личнаго библейскаго свидѣтельства ослабляется авторскими привнесеніями и лишается внушительности фактическаго безпристрастія. Характернымъ примѣромъ тому служитъ вопросъ о дняхъ творенія, гдѣ г. Покровскій принимаетъ (стр. 34 сл.) „визионерную теорію“, что все міротвореніе въ его послѣдовательности было открыто въ видѣніи, и лишь къ нему относится хронологическая датировка бытописательскаго повѣствованія. Въ качествѣ библейскаго комментарія—эта гипотеза не годится потому, что она спорна, но за-то она была бы вполне умѣстна лишь въ смыслѣ противовѣса критическимъ укоризнамъ и искаженіямъ. Думаемъ, что эту же антитечность критическимъ вольностямъ объясняютъ и нѣкоторыя преувеличенныя выраженія автора (напр., о богодуховенности Св. Писанія на стр. 3), хотя и независимо отъ сего онъ пишетъ съ излишнею хлесткостью и размахистостью.

Впрочемъ, необходимо стмѣтить, что вообще изложеніе у него ясное и увлекаетъ читателя своею живостію. Этимъ облег-

чается и ознакомленіе съ самымъ содержаніемъ, которое имѣетъ высокій интересъ. Точнымъ опредѣленіемъ термина „первобытный“ г. Покровский отнимаетъ у него искусственно навязываемыя свойства эволюционности и затѣмъ характеризуетъ источникъ для сужденія о первобытной эпохѣ съ замѣчаніями о сущности библейскихъ извѣстій и характерѣ библейской космологіи по сравненію съ параллельными данными ориентологии. Ученіе о субъектѣ религіи человѣкъ ведетъ къ разсмотрѣнію исторіи творенія и первобытнаго состоянія людей, а отсюда прямой переходъ къ разсказу о паденіи съ анализомъ догматическихъ моментовъ (о грѣхѣ и искупленіи) и традицій касательно рая и грѣховной катастрофы. Дальше изслѣдуются въ двухъ отдѣлахъ гл. IV—VI книги Бытія, послѣ чего представляется систематическій сводъ добытаго, а въ заключеніи раскрываются характеръ, мѣсто и значеніе библейско-первобытной религіи и исторіи религіи вообще.

Подвергаемый изученію библейскій матеріалъ подобранъ тщательнѣе, а вспомогательныя данныя, необходимыя по существу дѣла, собраны въ изобиліи. Этимъ обезпечиваются полнота и всесторонность разсмотрѣнія предмета, который долженъ привлекать вниманіе каждаго мыслящаго человѣка, потому что оно касается вопроса о началѣ бытія всего міра и нашего бытія въ мірѣ,—по связи съ христіанскою истиной, ибо „идея искупленія была основнымъ элементомъ первобытной религіи паденія“ (стрн. 246). Книга г. Покровскаго есть плодъ усерднаго труда, научно полезна и вообще поучительна ¹⁾.

Г.

Я. Горовицъ, Изслѣдованіе ученія Филона и Платона о міротвореніи ²⁾.

Филолъ, знаменитый александрійскій іудей-эллинистъ, всегда и справедливо служилъ предметомъ самыхъ разностороннихъ изслѣдованій, и конца имъ не предвидится. Но онъ достоинъ глубокаго вниманія и съ общей религіозно-исторической точки зрѣнія. Филолъ имѣлъ величественный планъ рационально доказать разумно-обязательный универсализмъ вѣры израильской и обезпечить ей всемірное возобладаніе среди всѣхъ народовъ. Но самая религія совпадала у него съ іудаистическимъ номизмомъ послѣднѣйшей формации, а здѣсь не возможно было иное расширеніе какъ только чрезъ рабское подчиненіе всѣхъ номистическому игу съ отказомъ отъ всякой національной самобытности. Что до самыхъ откровенныхъ предвѣщаній, то до „исполненія вре-

¹⁾ Цѣна сочиненія 2 р. 50 к.

²⁾ Untersuchungen über Philons und Platons Lehre von Dr. phil. Jakob Horowitz. Marburg 1900 у N. G. Elwertra.

мень“ они ограничивались пророческими предуказаніями грядущаго духовнаго царства и въ этомъ видѣ заставляють лишь ожидать самого Царя, который бы разъяснилъ все самымъ дѣломъ. Въ этой сферѣ прогрессъ ученія совпадалъ съ постепенностію самого историческаго домостроительства и реально совершался фактически въ ходѣ осуществленія промыслительныхъ цѣлей. Понятно, что тогда и для перваго явился двигателемъ одинъ божественный виновникъ, если имъ устроится второе, а отсюда формулируется и принципиально-догматическая аксіома, что въ области божественной всегда и все создается исключительно Богомъ. И Филонъ отрицательно подтверждаетъ эту истину. Онъ хотѣлъ собственными интеллектуальными усилями раздвинуть историческія рамки библейской приспособительности. Какъ было замѣчено, матеріаловъ для сего въ іудействѣ не было, а библейскіе памятники даже самихъ евреевъ направляли къ вѣрѣ въ будущее чаяніями грядущаго. При такихъ условіяхъ на библейской почвѣ теософу нельзя было обосноваться и удержаться, почему онъ и обращается къ пособію чистой рациональности въ эллинской философіи. Неизбѣжно, что допускалась подмѣна подъ библейское созерцаніе, и тогда не могло получиться и предположенныхъ библейскихъ результатовъ. Эллинизмъ находилъ сродного больше въ своемъ встрѣчавшемся въ филоническихъ позаимствованіяхъ, и не почерпалъ чистаго библейскаго содержанія, которое предносилось ему въ эллинистическомъ же перетолкованіи. Въ этомъ отношеніи филоновская попытка не имѣла плодотворныхъ результатовъ. Что до іудейства, то оно инстинктивно чуждалось этихъ тенденціозныхъ наслоеній и не могло воспринимать ихъ уже потому, что они привлекались ради вибіудейскихъ потребностей. Неудивительно, что александрійская теософія была не симпатична водворившейся и господствующей доселѣ фарисейско-раввинской догматикѣ (см. Dr. J. M. Jost, *Geschichte des Judenthums und seiner Secten* I, Lpzg 1857, p. 382; † Prof. Ad. Frank, *La Kabbala*, Paris 1843 p. 294. Н. С., *Каббала*, Казань 1873, стрн. 102), и лишь въ XVI в. Филонъ впервые упоминается подъ именемъ Иедида въ іудейскимъ писателемъ Азаріею де Росси (1511—† 1578 г.) съ выраженіемъ сомнѣній въ его ортодоксальности (см. A. Edersheim въ *A. Dictionary of Christian Biography* IV, London, 1888, p. 357—358; Fred. W. Farrar, *History of Interpretation*, London 1886, p. 150, и ср. Th. Keiml. *Geschichte Jesu von Nazara* I, Zürich 1867, S. 212); филонизмъ остался безъ достаточнаго вліянія въ исторіи іудейскаго богословія и только позднѣе отразился косвенно своими каббалистическими тенденціями (Farrar *ibid.*, p. 156). Какая исключительно-поразительная скудость безплодія и безотносительно и по сравненію съ Евангеліемъ Христовымъ!..

Въ этой связи получаетъ свою широкую цѣнность и

разсматриваемое специальное исследование, гдѣ параллельно анализируется и сопоставляется учение Платона и Филона о міротвореніи. Тщательный разбор показываетъ, что александрійскій іудей близко копировалъ эллинскаго философа, а это именно подтверждаетъ нашу мысль о сущности, характерѣ и судьбѣ филоническихъ опытовъ и всѣхъ подобныхъ имъ.

Но, интересное съ этой стороны, сочиненіе Горовица страдаетъ нѣкоторою преувеличенностію освѣщенія. Авторъ-еврей нѣсколько сгущаетъ краски, а это соответствуетъ пристрастности всѣхъ іудейскихъ толкованій Филона. Обыкновенно эта тенденціозность допускается въ двухъ направленіяхъ. Александрійскій теософъ былъ и желалъ оставаться іудеемъ какъ и говорилъ всегда лишь во имя и ради іудейства. Отсюда вырастаютъ интерпретаціи, стремящіяся аргументировать іудейское правовѣріе знаменитаго александрійца. Такъ, это мы видимъ напр., у Б. Риттера (*Philo und Halacha. Eine vergleichende Studie unter steter Berücksichtigung des Josephus, Lpzg 1879*), который старается аргументировать іудейскую ортодоксальность Филона не только въ догматическомъ номизмѣ, но и для галахи во всѣхъ ея частныхъ предписаніяхъ и юридическихъ правилахъ—касательно *jus talionis* уголовныхъ и гражданскихъ преступленій, брака и браконарушеній, государственнаго строя, церемоніальной законности и въ нѣкоторыхъ мелкихъ деталяхъ. Въ фактическихъ оправкахъ и во многихъ сближеніяхъ заключается достаточно цѣнныхъ наблюденій и соображеній, но по тону и духу возрѣвнѣй сочиненіе обнаруживаетъ конфессіональную крайность автора. При всемъ томъ всѣ вынуждаются согласиться и констатировать, что—при всѣхъ натяжкахъ у Филона оказывается богатый запасъ оригинально самобытнаго, гдѣ онъ уклонялся отъ іудейской нормы. Этимъ вызываются обратныя попытки съ цѣлю убѣдить, что въ подобныхъ пунктахъ александріецъ заблуждался „на свой страхъ“ по невѣдѣнію и пренебреженію іудейской традиціи. Теперь намъ уже свидѣтельствуется іудейская некомпетентность теософа. И если Б. Риттеръ находилъ у него изрядное знаніе еврейскаго языка (стрн. 10), то Франкель утверждаетъ прямо противное (*Z. Frankel: Historisch-kritische Studien zu der Septuaginta I, 1, Lpzg 1841, S. XV, 45ff; Ueber den Einfluss der palästinischen Exegese auf die alexandrinische Hermeneutik, ibid. 1851, S. 46 et passim* и въ *Programmerbericht der jüdischen theologischen Seminars zu Breslau 1854, S. 25f. cp. Rabbiner M. Wolff, Die Philonische Philosophie, Gothenburg 1858, S. 8*), хотя истина лежитъ, конечно въ серединѣ см. С. Siegfried, *Philo von Alexandria, als Ausleger des A. T., Iena 1875, 142ff.* и въ „*Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie. XVI, 2, S. 232—238; 4, S. 522—525; проф. И. Н. Корсунскій, Иудейское толкованіе Ветхаго Завѣта, Москва 1882, стрн. 214—215*).

Аналогично этому и г. Горовицъ преувеличиваетъ дѣло, когда филологическія воззрѣнія чуть не совсѣмъ претворяетъ въ платонизмъ. И эта преувеличенность тѣмъ субъективнѣе, что квадратной степени, поелику авторъ исходитъ изъ своеобразнаго пониманія самого платоническаго ученія, которое потомъ примѣняется къ филоновскимъ концепціямъ.

За всѣми этими изъятіями книжка г. Горовица интересна и своими спеціальными розысканіями помимо общихъ приложений, отмѣченныхъ выше. Цѣна ея (около 1 р. 20 коп. за XVII+127 страницъ), пожалуй, и не такъ высока для нѣмецкаго книжнаго рынка.

Г.

А. И. Покровский, Библейское учение о первобытной религии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра 1901.

Это сочинение представляет собою „опытъ библейско-апологетическаго изслѣдованія“. Значить авторъ имѣеть своею цѣлю защитить библейское учение о первобытной религии и оградить его отъ возраженій и перетолкованій. Разборомъ и устраненіемъ послѣднихъ въ такихъ случаяхъ не рѣдко разрѣшались подобныя задачи въ чисто-полемиическихъ сочиненіяхъ. При всей своей ближайшей пользѣ и непосредственной цѣнности—труды этого рода не обладаютъ всею научною важностію. Въ нихъ подлинный предметъ собственно не раскрывался по своему содержанию, поелику истина далеко еще не разъясняется тѣмъ, что изобличена ложь и обнаружено заблужденіе. При этомъ и самое критическое усердіе бывало иногда бесплоднымъ. Критическія гипотезы чаще заимствуютъ свои основанія и получаютъ оправданіе и смыслъ въ извѣстныхъ предпосылкахъ, почерпаемыхъ въ принципиальныхъ возрѣніяхъ школъ и направленій, а безъ этого во многомъ бываютъ непонятны и даже непостижимы по самымъ характернымъ своимъ особенностямъ. Но у насъ именно и нѣтъ этихъ условливающихъ предвареній, почему анализируемая доктрина, лишённая своей почвы, заранѣе пріобрѣтаютъ странное освѣщеніе и противники говорятъ между собою разными языками, а читатели созерцаютъ этотъ турниръ больше съ недоумѣніемъ, чѣмъ съ разумѣніемъ. Въ истинно-научныхъ интересахъ библейскаго познанія полемика дорога лишь постольку, поскольку способствуетъ нашему постиженію спорнаго вопроса хотя бы отрицательнымъ путемъ—чрезъ очищеніе вредныхъ наслоеній.

По всему этому ясно, что сначала необходимо представить самый предметъ въ его подлинныхъ библейскихъ очер-

таніяхъ, чтобы этимъ объективнымъ констатированіемъ опредѣлить, что подлежитъ разсмотрѣнію, что нуждается въ оправданіи и что допускаетъ рациональное восполненіе. Этимъ способомъ достигается и то, что тутъ сами собою отпадаютъ многія критическія крайности за ихъ непригодностью и несоотвѣтствіемъ библейской дѣйствительности.

Этотъ именно методъ и избралъ г. Покровский въ своемъ обширномъ сочиненіи (VIII+457 стран.), гдѣ на первомъ планѣ всюду является библейское ученіе, которое и ограждается въ своей несомнѣнности отъ всякихъ покушеній и извращеній. Отсюда въ книгѣ два теченія — библейско-богословскаго изысканія и апологетическаго отраженія. Эти теченія идутъ совмѣстно и переплетаются между собою по всѣмъ рубрикамъ изслѣдованія. По этой причинѣ каждая частность обрисовывается рельефнѣе по причинѣ самаго сближенія свѣта и тѣней. Въ этомъ достоинство принятой манеры, но для цѣльности представленія было бы, пожалуй, лучше, если бы эти элементы были разграничены, и положительное изображеніе не дробилось и не прерывалось измѣнными полемическими вторженіями. Тогда первобытная религія по библейскимъ даннымъ раскрывалась бы предъ нами во всей совокупности, а не въ разрозненныхъ деталяхъ. Эта методическая выдержанность предохранила бы автора и отъ нѣкоторыхъ фактическихъ неудобствъ, иногда замѣчаемыхъ въ работѣ. Смѣшеніе положительнаго съ полемическимъ вводитъ г. Покровскаго въ соблазнъ собственной гипотетичности въ замѣну тенденціозно-критическихъ мечтаній. Отъ этого библейскій предметъ необходимо пріобрѣтаетъ нѣсколько субъективную окраску, между тѣмъ онъ долженъ излагаться во всей своей неприкосновенности, хотя бы это показывало его незаконченность. Безъ этого у насъ не будетъ объекта рѣчи, а независимое основаніе личнаго библейскаго свидѣтельства ослабляется авторскими привнесеніями и лишается внушительности фактическаго безпристрастія. Характернымъ примѣромъ тому служить вопросъ о дняхъ творенія, гдѣ г. Покровский принимаетъ (стр. 34 сл.) „визионерную теорію“, что все міротвореніе въ его послѣдовательности было открыто въ видѣніи, и лишь къ нему относится хронологическая датировка бытописательскаго повѣствованія. Въ качествѣ библейскаго комментарія—эта гипотеза не годится потому, что она спорна, но за-то она была бы вполне умѣстна лишь въ смыслѣ противовѣса критическимъ укоризнамъ и искаженіямъ. Думаемъ, что эту же антитечность критическимъ вольностямъ объясняютъ и нѣкоторыя преувеличенныя выраженія автора (напр., о богодуховенности Св. Писанія на стр. 3), хотя и независимо отъ сего онъ пишетъ съ излишнею хлесткостью и размахистостію.

Впрочемъ, необходимо стмѣтить, что вообще изложеніе у него ясное и увлекаетъ читателя своею живостію. Этимъ облег-

чается и ознакомленіе съ самымъ содержаніемъ, которое имѣетъ высокій интересъ. Точнымъ опредѣленіемъ термина „первобытный“ г. Покровский отнимаетъ у него искусственно навязываемыя свойства эволюционности и затѣмъ характеризуетъ источникъ для сужденія о первобытной эпохѣ съ замѣчаніями о сущности библейскихъ извѣстій и характерѣ библейской космологіи по сравненію съ параллельными данными ориентологии. Ученіе о субъектѣ религіи человѣкъ ведетъ къ разсмотрѣнію исторіи творенія и первобытнаго состоянія людей, а отсюда прямой переходъ къ разсказу о паденіи съ анализомъ догматическихъ моментовъ (о грѣхѣ и искупленіи) и традицій касательно рая и грѣховной катастрофы. Дальше изслѣдуются въ двухъ отдѣлахъ гл. IV—VI книги Бытія, послѣ чего представляется систематическій сводъ добытаго, а въ заключеніи раскрываются характеръ, мѣсто и значеніе библейско-первобытной религіи и исторіи религіи вообще.

Подвергаемый изученію библейскій матеріалъ подобранъ тщательнѣе, а вспомогательныя данныя, необходимыя по существу дѣла, собраны въ изобиліи. Этимъ обезпечиваются полнота и всесторонность разсмотрѣнія предмета, который долженъ привлекать вниманіе каждаго мыслящаго человѣка, потому что оно касается вопроса о началѣ бытія всего міра и нашего бытія въ мірѣ,—по связи съ христіанскою истиной, ибо „идея искупленія была основнымъ элементомъ первобытной религіи паденія“ (стр. 246). Книга г. Покровскаго есть плодъ усерднаго труда, научно полезна и вообще поучительна ¹⁾.

Г.

Я. Горовицъ, Изслѣдованіе ученія Филона и Платона о міротвореніи ²⁾.

Филолъ, знаменитый александрійскій іудей-эллинистъ, всегда и справедливо служилъ предметомъ самыхъ разностороннихъ изслѣдованій, и конца имъ не предвидится. Но онъ достоинъ глубокаго вниманія и съ общей религіозно-исторической точки зрѣнія. Филолъ имѣлъ величественный планъ рационально доказать разумно-обязательный универсализмъ вѣры израильской и обезпечить ей всемірное возобладаніе среди всѣхъ народовъ. Но самая религія совпадала у него съ іудаистическимъ номизмомъ послѣднѣйшей формации, а здѣсь не возможно было иное расширеніе какъ только чрезъ рабское подчиненіе всѣхъ номистическому игу съ отказомъ отъ всякой національной самобытности. Что до самыхъ откровенныхъ предвѣщаній, то до „исполненія вре-

¹⁾ Цѣна сочиненія 2 р. 50 к.

²⁾ Untersuchungen über Philons und Platons Lehre von Dr. phil. Jakob Horowitz. Marburg 1900 у N. G. Elwertra.

мень“ они ограничивались пророческими предуказаніями грядущаго духовнаго царства и въ этомъ видѣ заставляють лишь ожидать самого Царя, который бы разъяснилъ все самымъ дѣломъ. Въ этой сферѣ прогрессъ ученія совпадалъ съ постепенностію самого историческаго домостроительства и реально совершался фактически въ ходѣ осуществленія промыслительныхъ цѣлей. Понятно, что тогда и для перваго явился двигателемъ одинъ божественный виновникъ, если имъ устроится второе, а отсюда формулируется и принципиально-догматическая аксіома, что въ области божественной всегда и все создается исключительно Богомъ. И Филонъ отрицательно подтверждаетъ эту истину. Онъ хотѣлъ собственными интеллектуальными усилями раздвинуть историческія рамки библейской приспособительности. Какъ было замѣчено, матеріаловъ для сего въ іудействѣ не было, а библейскіе памятники даже самихъ евреевъ направляли къ вѣрѣ въ будущее чаяніями грядущаго. При такихъ условіяхъ на библейской почвѣ теософу нельзя было обосноваться и удержаться, почему онъ и обращается къ пособію чистой рациональности въ эллинской философіи. Неизбѣжно, что допускалась подмѣна подъ библейское созерцаніе, и тогда не могло получиться и предположенныхъ библейскихъ результатовъ. Эллинизмъ находилъ сродного больше въ своемъ встрѣчавшемся въ филоническихъ позаимствованіяхъ, и не почерпалъ чистаго библейскаго содержанія, которое предносилось ему въ эллинистическомъ же перетолкованіи. Въ этомъ отношеніи филоновская попытка не имѣла плодотворныхъ результатовъ. Что до іудейства, то оно инстинктивно чуждалось этихъ тенденціозныхъ наслоеній и не могло воспринимать ихъ уже потому, что они привлекались ради вибіудейскихъ потребностей. Неудивительно, что александрійская теософія была не симпатична водворившейся и господствующей доселѣ фарисейско-раввинской догматикѣ (см. Dr. J. M. Jost, *Geschichte des Judenthums und seiner Secten* I, Lpzg 1857, p. 382; † Prof. Ad. Frank, *La Kabbala*, Paris 1843 p. 294. Н. С., *Каббала*, Казань 1873, стрн. 102), и лишь въ XVI в. Филонъ впервые упоминается подъ именемъ Иедидаѳа іудейскимъ писателемъ Азаріею де Росси (1511—† 1578 г.) съ выраженіемъ сомнѣній въ его ортодоксальности (см. A. Edersheim въ *A. Dictionary of Christian Biography* IV, London, 1888, p. 357—358; Fred. W. Farrar, *History of Interpretation*, London 1886, p. 150, и ср. Th. Keiml. *Geschichte Jesu von Nazara* I, Zürich 1867, S. 212); филонизмъ остался безъ достаточнаго вліянія въ исторіи іудейскаго богословія и только позднѣе отразился косвенно своими каббалистическими тенденціями (Farrar *ibid.*, p. 156). Какая исключительно-поразительная скудость безплодія и безотносительно и по сравненію съ Евангеліемъ Христовымъ!..

Въ этой связи получаетъ свою широкую цѣнность и

разсматриваемое специальное исследование, гдѣ параллельно анализируется и сопоставляется учение Платона и Филона о міротвореніи. Тщательный разбор показываетъ, что александрійскій іудей близко копировалъ эллинскаго философа, а это именно подтверждаетъ нашу мысль о сущности, характерѣ и судьбѣ филоническихъ опытовъ и всѣхъ подобныхъ имъ.

Но, интересное съ этой стороны, сочиненіе Горовица страдаетъ нѣкоторою преувеличенностію освѣщенія. Авторъ-еврей нѣсколько сгущаетъ краски, а это соответствуетъ пристрастности всѣхъ іудейскихъ толкованій Филона. Обыкновенно эта тенденціозность допускается въ двухъ направленіяхъ. Александрійскій теософъ былъ и желалъ оставаться іудеемъ какъ и говорилъ всегда лишь во имя и ради іудейства. Отсюда вырастаютъ интерпретаціи, стремящіяся аргументировать іудейское правовѣріе знаменитаго александрійца. Такъ, это мы видимъ напр., у Б. Риттера (*Philo und Halacha. Eine vergleichende Studie unter steter Berücksichtigung des Josephus, Lpzg 1879*), который старается аргументировать іудейскую ортодоксальность Филона не только въ догматическомъ номизмѣ, но и для галахи во всѣхъ ея частныхъ предписаніяхъ и юридическихъ правилахъ—касательно *jus talionis* уголовныхъ и гражданскихъ преступленій, брака и браконарушеній, государственнаго строя, церемоніальной законности и въ нѣкоторыхъ мелкихъ деталяхъ. Въ фактическихъ оправкахъ и во многихъ сближеніяхъ заключается достаточно цѣнныхъ наблюденій и соображеній, но по тону и духу возрѣвнѣй сочиненіе обнаруживаетъ конфессіональную крайность автора. При всемъ томъ всѣ вынуждаются согласиться и констатировать, что—при всѣхъ натяжкахъ у Филона оказывается богатый запасъ оригинально самобытнаго, гдѣ онъ уклонялся отъ іудейской нормы. Этимъ вызываются обратныя попытки съ цѣлю убѣдить, что въ подобныхъ пунктахъ александріецъ заблуждался „на свой страхъ“ по невѣдѣнію и пренебреженію іудейской традиціи. Теперь намъ уже свидѣтельствуется іудейская некомпетентность теософа. И если Б. Риттеръ находилъ у него изрядное знаніе еврейскаго языка (стрн. 10), то Франкель утверждаетъ прямо противное (*Z. Frankel: Historisch-kritische Studien zu der Septuaginta I, 1, Lpzg 1841, S. XV, 45ff; Ueber den Einfluss der palästinischen Exegese auf die alexandrinische Hermeneutik, ibid. 1851, S. 46 et passim* и въ *Programmbereich der jüdischen theologischen Seminars zu Breslau 1854, S. 25f. ср. Rabbiner M. Wolff, Die Philonische Philosophie, Gothenburg 1858, S. 8*), хотя истина лежитъ, конечно въ серединѣ см. С. Siegfried, *Philo von Alexandria, als Ausleger des A. T., Iena 1875, 142ff.* и въ „*Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie. XVI, 2, S. 232—238; 4, S. 522—525; проф. И. Н. Корсунскій, Иудейское толкованіе Ветхаго Завѣта, Москва 1882, стрн. 214—215*).

Аналогично этому и г. Горовицъ преувеличиваетъ дѣло, когда филологическія воззрѣнія чуть не совсѣмъ претворяетъ въ платонизмъ. И эта преувеличенность тѣмъ субъективнѣе, что квадратной степени, поелику авторъ исходитъ изъ своеобразнаго пониманія самого платоническаго ученія, которое потомъ примѣняется къ филоновскимъ концепціямъ.

За всѣми этими изъятіями книжка г. Горовица интересна и своими спеціальными розысканіями помимо общихъ приложений, отмѣченныхъ выше. Цѣна ея (около 1 р. 20 коп. за XVII+127 страницъ), пожалуй, и не такъ высока для нѣмецкаго книжнаго рынка.

Г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки